

Александрова Милена Максимовна,
студентка 4 курса бакалавриата направления
«Международные отношения»,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет

КОНЦЕПЦИЯ «СВОБОДНОГО И ОТКРЫТОГО ИНДО-ТИХООКЕАНСКОГО ПРОСТРАНСТВА» КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЯПОНИИ

Аннотация. В статье исследуется концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства» как ключевой элемент современной внешней политики Японии. Рассматриваются фазы эволюции концепции и ключевые механизмы ее реализации. Обосновывается значение FOIP для укрепления региональных позиций Японии. Выявлены ограничения концепции, связанные с ее двойственной нормативно-геополитической природой.

Ключевые слова: Япония, FOIP, Индо-Тихоокеанский регион, внешняя политика, безопасность, региональный порядок.

Введение

Индо-Тихоокеанский регион стал в XXI веке ключевым пространством геополитической конкуренции, где переплетаются интересы ведущих мировых держав. На фоне роста военной и экономической мощи Китая, трансформации американской стратегии в регионе и усиления напряженности в акватории Южно-Китайского и Восточно-Китайского морей Япония оказалась перед необходимостью выработки самостоятельной стратегической концепции, способной обеспечить ей роль нормативного актора, а не периферийного союзника США [1].

Ответом на этот вызов стала концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства» (Free and Open Indo-Pacific, FOIP), впервые артикулированная премьер-министром Синдзо Абэ в 2016 году. За девять лет FOIP трансформировалась из внешнеполитического тезиса в разделяемую широким кругом государств платформу, объединяющую торгово-экономическое, инфраструктурное, экологическое и военно-морское измерения [4].

Цель настоящей статьи – системный анализ эволюции концепции FOIP, операциональных механизмов её реализации и присущих ей структурных ограничений. Актуальность определяется непосредственным влиянием FOIP на формирование архитектуры региональной безопасности и растущей ролью Японии как самостоятельного центра стратегического планирования.

Эволюция концепции FOIP

FOIP впервые была представлена Абэ в августе 2016 года в Найроби на открытии VI Токийской международной конференции по развитию Африки. Уже на раннем этапе концепция была обозначена как единое стратегическое пространство Индийского и Тихого океанов, где должны быть обеспечены свобода судоходства, верховенство права и открытость торговли. Таким образом, FOIP с самого начала имела не только географическое, но и нормативное содержание [2].

В научной литературе обычно выделяют три этапа развития FOIP. Первый этап, или FOIP 1.0, охватывал 2016–2018 годы. В этот период концепция строилась вокруг трех базовых

опор: верховенства права и свободы судоходства, экономического процветания через инфраструктурную связанность и укрепления мира через морское сотрудничество. На этом этапе FOIP носила выраженный контрбалансирующий характер по отношению к китайской инициативе «Один пояс, один путь», хотя формально сохраняла риторику открытости и инклюзивности [2].

Второй этап, или FOIP 2.0, пришелся на 2019–2022 годы. Риторика смягчилась, а круг партнеров расширился. Токио активнее подчеркивал совместимость концепции с более широкими региональными подходами, в том числе с принятым в 2019 году Асеановским мировоззрением на Индо-Тихоокеанский регион (АОИР) и стремился показать, что стратегия Японии не направлена на блоковое разделение региона. В этот период концепция стала восприниматься не только как ответ на усиление Китая, но и как универсальная рамка регионального сотрудничества.

Третий этап, FOIP 3.0, начался в 2023 году после выступления Фумио Кисиды в Нью-Дели с программной речью «Будущее Индо-Тихоокеанского региона: Новый план Японии». Этот «Новый план FOIP» закрепил четыре «столпа» сотрудничества: принципы мира и правила процветания, решение вызовов индо-тихоокеанским образом, многоуровневую связанность и распространение усилий по обеспечению безопасности морского пространства на воздушное. Наиболее значимым нормативным новшеством FOIP 3.0 стал тезис о том, что «уязвимые государства больше всего нуждаются в верховенстве права», адресующий концепцию в том числе к странам Глобального Юга [3].

Принципиально важна устойчивость FOIP при смене японских правительств. Концепция, выдвинутая Абэ, адаптировалась при Суге, Кисиде, Исибе и получила новое операциональное оформление при Санаэ Такаити в апреле 2026 года через инициативу Power Asia в рамках Азиатского сообщества нулевых выбросов (AZEC), суть которой в укреплении энергетической безопасности и декарбонизации региона. Это свидетельствует о том, что FOIP вышла за рамки индивидуального политического проекта и закрепилась как консенсусный стратегический ориентир японского внешнеполитического сообщества [4].

Механизмы реализации

Практическая реализация FOIP осуществляется через ряд взаимосвязанных инструментов. Первый столп реализуется через два взаимосвязанных блока. В торгово-нормативной сфере Соглашение об экономическом партнерстве (СЭП) и Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТП) выступают прямыми инструментами распространения японских стандартов в регионе. В сфере правовой дипломатии показательным является проведение в июле 2023 года совещания министров юстиции АСЕАН–Япония и принятие Рабочего плана по праву и правосудию, то есть первого документа такого рода в истории японско-асеановских отношений. Параллельно JICA ведет работу по наращиванию морских правоохранительных возможностей более чем в двадцати странах Индо-Тихоокеанского региона [1].

Значимую роль играет экологическое и технологическое измерение FOIP. Центральным инструментом второго столпа выступает Азиатское сообщество нулевых выбросов (AZEC), объединяющее 11 государств и официально запущенное в марте 2023 года. Эта платформа позволяет Японии увязывать энергетический переход, технологическое сотрудничество и региональное развитие. Важно, что AZEC демонстрирует стремление Токио включить климатическую и энергетическую повестку в более широкую стратегию Индо-Тихоокеанского взаимодействия.

Еще одним направлением является инфраструктурная связанность. Третий столп реализуется в рамках Партнерства G7 по глобальной инфраструктуре и инвестициям (PGII), где активно развивает различные проекты, включая поддержку транспортных и цифровых

коридоров, а также модернизацию помощи развитию. Таким образом, FOIP реализуется не только через дипломатические декларации, но и через конкретные инвестиционные, технологические и инфраструктурные проекты [1].

Наконец, FOIP имеет выраженное военно-политическое измерение. Четвертый столп реализуется через расширяющуюся систему совместных учений Сил самообороны Японии. Двусторонние учения с США («Keen Sword», «Yama Sakura»), с Великобританией («Vigilant Isles», «Guardian North 16») являются первыми в послевоенной истории совместными учениями, проведенными на территории Японии с союзником, отличным от США. Также проводятся трехсторонние учения с США и Австралией («Core North»), четырехсторонние учения «Малабар» с США, Австралией и Индией [2].

Принципиально новым инструментом стала программа Официальной помощи в целях безопасности (OSA), запущенная в апреле 2023 года. OSA является первым в японской истории механизмом прямого предоставления военного оборудования вооруженным силам иностранных государств, включая Филиппины, Малайзию, Бангладеш, Фиджи, Индонезию, Монголию, Джибути. Так, OSA позволяет Японии напрямую усиливать оборонные возможности партнеров, не выходя формально за рамки оборонительной политики. В совокупности эти механизмы показывают, что FOIP представляет собой не просто идею, а многослойную практическую стратегию [3].

Ограничения концепции

Центральным структурным ограничением FOIP является напряжение между декларируемой инклюзивностью и ее реальным функционированием как инструмента коалиционного балансирования против Китая. Но эта двойственность может рассматриваться как сознательный стратегический выбор, так как поддерживая официальную открытость FOIP, Япония сохраняет возможность привлекать государства, не готовые к явному антикитайскому позиционированию [4].

Второе ограничение связано с климатическими противоречиями. Из 158 меморандумов о взаимопонимании, заключенных в рамках AZEC, 56 (более 35%) связаны с технологиями ископаемого топлива СПГ и совместным сжиганием аммиака с углем, тогда как лишь 11 (7%) касаются возобновляемых источников энергии. Ввиду этого возникает противоречие с обязательством стран G7, принятым в Берлине в мае 2022 года, прекратить новую прямую государственную поддержку проектов по ископаемому топливу за рубежом к концу 2022 года. Это подрывает нормативную чистоту концепции и демонстрирует ее прагматическую гибкость.

Третье ограничение относится к тихоокеанскому измерению FOIP. После перехода Кирибати и Соломоновых островов в 2019 году и Науру в январе 2024 года к дипломатическому признанию КНР вместо Тайваня тихоокеанский субрегион превратился в театр нормативного соперничества. FOIP становится для Японии инструментом выстраивания устойчивых отношений через инфраструктурное финансирование и правовое сотрудничество как альтернативу непрозрачным китайским схемам. Тем не менее, это делает концепцию важным, но не безусловно доминирующим инструментом региональной политики [3].

Заключение

Концепция «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского пространства» представляет собой один из наиболее успешных примеров японской стратегической инновации в XXI веке. Через FOIP Япония формирует региональный порядок не посредством прямой военной силы, а через институциональное строительство, нормативное лидерство и использование различных экономических инструментов. Устойчивость концепции при смене правительств свидетельствует о ее закреплении в качестве консенсусного ориентира японского внешнеполитического сообщества, а поэтапное расширение круга партнеров – о растущей международной легитимности.

Вместе с тем концепция сталкивается с фундаментальным противоречием. Разрыв между декларируемой инклюзивностью и коалиционной функцией FOIP, а также между климатическими обязательствами и структурой энергетических соглашений AZEC являются не техническими недостатками, а прямым отражением более глубокого напряжения, присущего всей японской внешней политике во время открытого соперничества в Индо-Тихоокеанском регионе.

Список литературы:

1. Афонин Б.М. Внешняя политика Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2022. – № 38. – С. 7–23.
2. Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 2. – С. 32–43.
3. Крячкина Ю. О новой Стратегии национальной безопасности Японии и ее значении для АТР // Институт Китая и современной Азии РАН. – 2023. – С. 1–4.
4. Плаксин А.Д. Эволюция подходов к оборонной политике в Японии в послевоенный период // Восточная Азия: факты и аналитика. – 2024. – № 4. – С. 21–32.

